

Гость «ВК»

Сергей Женовач, начав работать на столичной сцене, уже первыми постановками завоевал признание критики, внимание и симпатии зрителей. А до этого были учеба в Институте культуры, работа в Краснодарском молодежном театре, учеба в ГИТИСе. И наконец постановки в Москве: «Панночка», «Владимир III степени», «Иллюзия». Приход в Театр на Малой Бронной и новые работы — магически захватывающие: «Король Лир», «Пучина», «Мельник — колдун, обманщик и сват».

Сергей ЖЕНОВАЧ:

меня такая же легенда, как и для многих других. Я приезжал из Краснодара смотреть его спектакли. Если же говорить о том, что было здесь до меня, то я это просто не принимаю во внимание. Для меня театр — содружество людей, работающих в данный момент. Всегда с любовью отношусь к людям, которые отдают себя театру. На Бронную я пришел создавать — хочу в своих спектаклях реализовать волнующие меня мысли и чувства.

— Вам предлагали быть главным?

— Мне кажется, что сегодня институт главных режиссеров — явление мертвое. В любом из театров допускаю несколько лидеров, каждый из которых объединял бы вокруг себя группы артистов, которые бы мирно сосуществовали. Интрига — составная часть любого театра, без интриг театр просто не может существовать. Но нельзя одновременно любить всех. Представьте — вы любите женщину. Она для вас — лучше всех. Можете ли вы одновременно любить еще нескольких женщин? Так же и в театре — невозможно сразу любить 60 артистов. Поэтому возникает содружество, то есть группа людей, понимающих друг друга. Работающих вместе, но не самоутверждающихся за счет других. Для тех, кто этого не понимает, саморазрушение становится нормой. К примеру, случай с Таганкой. Очень легко обидеть артиста, и потому я никогда не стремлюсь подчинить его себе. Я просто стараюсь работать с ним. В театре для меня существует только творческая работа. Если же жизненные обстоятельства втянут в выяснение отношений, то сразу же уйду. И снова буду искать только творческих контактов.

дует нашей театральной школе. И мы горды этим. А едем часто, чтобы немного заработать. Потому что здесь платят гроши. Для себя считаю главной работу на Родине. От приглашения поставить за рубежом обычно отказываюсь.

— Но вы собираетесь в Норвегию...

— В Норвегию еду потому, что нашел там удивительных людей. Они приезжают к нам. Смотрят наши спектакли. Им я не могу отказать. Поэтому дал согласие поставить у них в маленьком городке Мольде в театре «Ворт» чеховские «Три сестры».

— Как вы относитесь к современной драматургии?

— К современным пьесам отношусь уважительно. Но то, о чем сейчас думаю, не укладывается в них. Прежде всего хочется людям дать опору и надежду. Увидеть грязь, «чернуху» нетрудно, сложнее увидеть свет. У современных авторов доминирует репортаж. В их пьесах нет света. Классический материал мне интересней — там есть вера. Жизнь и без того мрачна, чтобы еще нагонять плохое. Бывают периоды, когда хочется немного обманываться.

Сегодня самовыражение неинтересно. Интересен другой человек. Я беру талантливых пьесы. И мне интересно сыграть в мир, созданный автором. Мне интересны Шекспир, Гоголь, Аблесимов, и я пытаюсь войти в их мир.

— Ваши увлечения в жизни?

— Вся моя жизнь — режиссура и педагогика.

— А кто ваши учителя?

— Первым учителем был замечательный краснодарский педагог Герман Давыдов. Он дал мне веру в свои силы. В ГИТИСе моими учителями стали Роза Сирота и Петр Фоменко. Им я благодарен за все. Не забудьте имя Розы Сироты. Я во всех интервью ее называю, но журналисты почему-то упоминают лишь Фоменко.

— Успех вашей постановки пьесы Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» заставляет задуматься: а не началась ли наша отечественная литература задолго до Пушкина?

— Великая русская литература началась с того момента, как научились записывать. Феофан Прокопович, Сумароков, Княжнин... Театр непременно вернется к ним. И уже возвращается. Театр — часть культуры. Это более серьезно, чем простое фотографирование сегодняшних событий. Не случайно мы чаще обращаемся к прошлому. Удивляет, когда говорят, будто нечего ставить. Еще так много не поставлено. Не поставлен Лермонтов: «Испанцы», «Станный человек», «Два брата»... Одного Островского — величайшего драматурга — можно ставить всю жизнь. Но мы многого не читаем. Не любопытны. Часто ленивы.

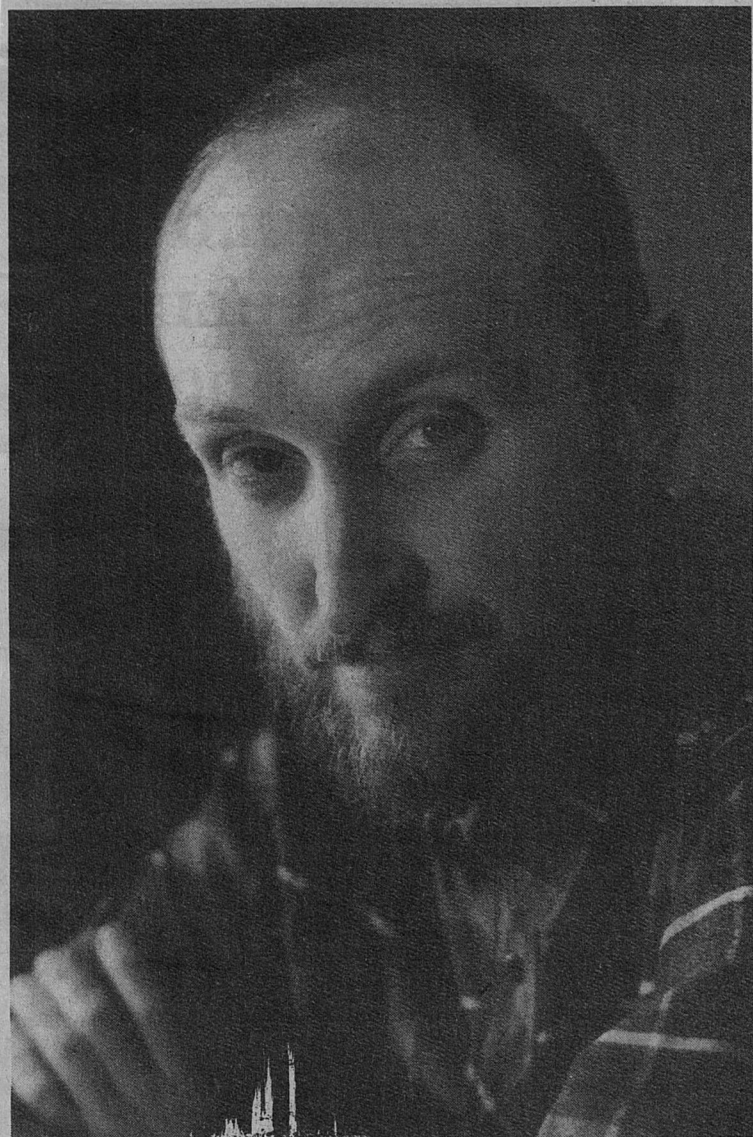
— Почему, обратившись к Чехову, выбрали «Лешего»?

— «Леший» — одна из лучших пьес Чехова. Она самая светлая. В ней есть движение и развитие. В других же его пьесах многое заранее ясно: полк уйдет, сад продадут... а в «Лешем» — три свадьбы... Жизнь продолжается...

Записал Александр ШЕВЛЯКОВ.

На снимке: сцены из спектаклей Театра на Малой Бронной «Король Лир» и «Пучина».

Фото Виктора БАЖЕНОВА и Ольги ЧУМАЧЕНКО.

"Бывают периоды, когда хочется немного обманываться"

— Сергей Васильевич, вы стали первым в истории лауреатом премии правительства Москвы за лучший спектакль года — «Король Лир» в Театре на Малой Бронной...

— Приятно, когда о тебе говорят хорошие слова. Но это во мне ничего не меняет. Ведь жизнь театра состоит — что вполне нормально — из взлетов и падений. Главное — в любой ситуации быть самим собой.

— Критика единодушно признает вас сего-

дня лидером среди молодых. Едва ли еще когда подобное наблюдалось по отношению к человеку, выросшему вне столицы.

— Я не считаю себя молодым. Мне 36 лет. Да и может ли считать себя молодым режиссер, поставивший более 15 спектаклей? К тому же я уже имею учеников. Важнее собственного самодушия для меня то, что люди меня чувствуют и приходят на мои спектакли, что таких становится все больше. А я пытаюсь делать живой интересный театр.

— Сколько лет вы уже в Москве? Как устроены?

— В Москве 10 лет. Своей квартиры у меня нет — обитаю у друзей. Считаю это нормальным. Ничего не хочу требовать от других. Думаю, что когда-нибудь сам заработаю на квартиру.

— А не пытались ли вы заработать на нее побыстрее?

— Я максималист. Для меня театр — главное в жизни. И я хочу быть честным по отношению к театру. Мне говорят иногда, что все равно когда-то придется пойти на компромисс. Но я не принимаю компромиссов и никогда на них не пойду.

— Вы пришли на Малую Бронную — в театр, здание которого напоминает о нелегкой судьбе А. Эфроса, о трагедии С. Михоэлса. Что вы чувствовали, переступая порог этого здания?

— Театр существует только в ту минуту, когда он есть, а прошлое — в нас. Анатолий Васильевич не был моим учителем. Он для

— Что вы думаете о теперешней жизни? Каким должен быть театр в этих условиях?

— Оценивать ситуацию в стране я не берусь. Огромной трагедией было бы потерять стационарный театр, ставший огромным завоеванием русской культуры. Считаю, что театр должен быть государственным. Государство должно заботиться о нем. К сожалению, мы теряем наши традиции. Модель «театра-дома» постепенно уходит из нашей жизни.

— Утверждают, будто репертуарный театр изжил себя и пришло время работать по принципу одного спектакля до тех пор, пока его посещают зрители. Бродвейский вариант...

— Психологическая школа актерского творчества — достояние русского театра. Такая школа может существовать только в условиях репертуара. Это и понятно: психологический театр как бы подразумевает «игру в разные игры». Я знаю, что в зарубежном театре весьма ощутима тоска по репертуарному. Это и понятно. Ведь актер, создавший образ, скажем, Лира, должен прожить с ним хотя бы 2—3 года, чтобы иметь возможность сделать свою работу более совершенной.

— Авторитет русской театральной культуры за рубежом велик. Считаете ли вы, что работа наших режиссеров «там» способствует укреплению престижа русской постановочной школы? Или это просто погоня за заработком?

— В России, как нигде, много талантливых режиссеров и актеров. Любая страна позави-

